

Эдвард Кульбаев

ВЕЧНЫЙ ЛУЧНИК

Шёл дождь.

Что-то шепча железному скату крыши.

Жомарт Тулегенович поднял воротник и ступил на льющуюся из подъезда мерцающую дорожку света.

Тяжелый чемодан оттягивал руку.

«Жаль, что поездка начинается в такое ненастье», – подумал Жомарт Тулегенович. Ему стало грустно. Вся его жизнь прошла в этих бесконечных поездках и командировках. Он служил курьером и с трудом догадывался, что за бумаги ему приходится доставлять в другие города. И зачем. Впрочем, он никогда и не интересовался этим. Просто получал и отдавал чемодан. Становившийся с каждым годом тяжелее.

Листья уже облетали с дерева его жизни. Их осталось не так много.

«Обидно. Ветер унёс их в другую сторону», – пожалел он. Ему стало холодно.

«Жизнь обрывается на полуслове. Песня летит дальше...»

Откуда пришли эти слова?

– Эй! – окликнул Жомарт Тулегенович.

Никого не было.

Непроницаемая тьма окружала его маленький домик. Весь город.

И вся эта тьма до самых звёзд была полна водой – мириадами струй, дождём, который не знал усталости.

Жомарт Тулегенович прикурил, раскрыл над собой зонт и вышел из освещённого прямоугольника. Он сразу угодил ногой в выбоину, оставшуюся от прошлогодних строительных работ. В ботинке хлопала вода. Он чертыхнулся и пошел дальше. Он решил не возвращаться, чтобы сменить обувь.

«Странно, – отметил он, – раньше со мной такого никогда не случалось... Не раскисай!» – подстегнул он себя.

Он знал эту выбоину, и ещё десяток других, и всю эту улицу до самого конца. За долгие годы он вызубрил её наизусть, как расписание экспрессов, уносивших его вдаль тёмными ночами.

Обставленная тяжёлыми двухэтажными домами, обсаженная клёнами улица тянулась в сторону окраин и упиралась в старое, обветшалое здание – вокзал. Насквозь прокуранный, холодный, с высокими потолками, отставшей от стен кра-

ской, отбитыми углами – он держал на себе весь коридор улицы, словно акробат, стоящий в основании пирамиды.

Жомарт Тулегенович чувствовал дыхание, медленный пульс этого каменного жерла, как человек, всю жизнь простоявший у бильярдного стола, чувствует взаимодействие костяных шаров. И потому, когда что-то сместилось в конце этого коридора, нарушилось равновесие, он уловил это сразу, в тот же момент. Тотчас.

Кто-то бежал в ночи. Кем он был, мчавшийся сквозь тьму? Бросивший вызов дождю и ветру? Куда он спешил? Зачем?

Жомарт Тулегенович остановился, сошел с тротуара и отступил за телефонную будку. Сброшенная с рычага трубка слабо раскачивалась на длинном шнуре, тихо постукивая о стекло. Короткие гудки сквозь трепет и шипение луж...

Могучий атлет, тускло отливающий ртутью в свете далёкого неонового фонаря, промчался мимо Жомарта Тулегеновича, сжимая в руке серебряный пенал.

Жомарт Тулегенович глядел ему вслед, в ночь, которая поглощала блестящую фигуру, когда в его сердце, будто в распахнутое окно, влетела стрела. Тихо жужжа. Пригвоздив к стене таинственную записку.

– Стойте, незнакомец! – окликнул он, но атлет уже скрылся во тьме.

Только далёкое шлёпание подошв, только ритмичная работа легких.

– Остановитесь! – звал Жомарт Тулегенович. – Мне надо...

Но было поздно.

Шёл дождь.

Жомарт Тулегенович вытянул ладонь за охранный предел подъездного козырька – она мгновенно намочила.

«Ливень, – досадливо поморщился Жомарт Тулегенович, – такого давно не было». Он поднял воротник, застегнул все пуговицы длинного, почти до щиколоток, плаща, раскрыл над головой старый, выдавший виды зонт и вышел на освещённую лампой площадку.

«НИЧЕГО, ЧТО КОРАБЛЬ ПОПАЛ В ШТОРМ.

ПЛОХО, ЕСЛИ ПОТЕРЯНА ГАВАНЬ, В КОТОРОЙ

ЧЕЛОВЕК ХОТЕЛ ВЫСАДИТЬ СВОЮ МЕЧТУ», –

вот что было нацарапано торопливым почерком в таинственной записке. В сердце Жомарта Тулегеновича. Слова зазвучали в нём, будто кто-то случайно затронул давным-давно позабытый, потерянный камертон – драгоценность, валявшуюся в пыли.

«Корабль», «гавань», «мечта» – плыли щемящие слова, отдаваясь эхом в его душе, разрушая её уютную скорлупу, рождая беспокойствие и смятение. Слёзы в глазах. Горечь утраты.

– Почему, почему так поздно? – сжимая кулаки, застонал Жомарт Тулегенович.

– Почему она так долго летела?

Он взглянул на сухое, старое дерево. «Мало, слишком мало осталось листьев!» Он закурил и пустил струю сизого дыма.

Заветные слова всё ещё бились в его сердце, отслаивая куски сухой парадной штукатурки.

«Поздно, поздно, поздно!» – несло у него в голове. Он выбросил папиросу. Поглубже втянул голову в воротник, поднял чемодан и ступил в ночь.

Он шёл, не разбирая дороги. Ливень хлестал его со всех сторон, ноги давно промокли, струи воды текли по лицу.

«Жёстче, жёстче – возьми себя в руки!» – он пытался сломать стрелу, хотя знал: ничего не выйдет – стрела сделана из особого дерева. Каких он уже никогда не встречал больше. Куда они пропали – эти деревья? Он знал, что ничто не поможет, но продолжал терзать себя, приказывая забыть: слова, стрелу, ветер, который её принёс.

«Зря, – говорил он себе, – всё зря, слишком поздно, поздно...»

Будто кто-то сыграл на флейте. Две-три ноты. Слегка дунул.

Будто кто-то мягко взял его за руку. Жомарт Тулегенович остановился. Вслушался: флейта молчала. Только дождь зашипел ещё сильнее.

Он помнил эту флейту. Её голос. Она лежала на дне пыльного, облупившегося комода. Заваленная всяким хламом. Никто давно не дотрагивался до неё. Ключ был утерян.

Кто отыскал ключ? Кто пробовал серебряную флейту?

Тонкий запах давно утраченного аромата, блеск потерянного костра, всплеск позабытых вёсел. Что это было?

Жомарт Тулегенович всмотрелся в ночь, в тёмный коридор улицы, вдруг ставший его надеждой. Что-то подсказывало ему, он чувствовал: там, впереди, рождаются ответы. Оттуда, только оттуда должно было появиться то, что он когда-то променял – крылья, помогавшие ему ходить по земле.

Кто-то бежал в ночи. Ещё невидимый, горячий и неукротимый. Сжимающий в руке серебряную трубку. Потоки воды струились по его литым плечам, встречный ветер бил в грудь, застревал в волосах. Но очарованный гонец ничего не замечал. Он улыбался далёкой своей цели, далёкому огню, который пылал для него.

Жомарт Тулегенович стоял на обочине. Скрытый телефонной будкой. Он снова сошёл с дороги, снова струсил, снова сдался, снова проиграл. Почему? Ведь он хотел остановить бегуна. Махнуть ему рукой... Что ему помешало? Неужели...

Он глядел вслед тающему в черноте летящему силуэту. Он стоял, не в силах тронуться с места. Вымолвить слово.

Приглушённый свист, тихий шелест. Тук! Вторая стрела вибрировала в его груди!

– Пойдите, товарищ! – Жомарт Тулегенович рванулся вдогонку. – Подождите!

Плащ мешал ногам, груз тянул руку. Только далёкое шлёпанье подошв, только ритмичная работа лёгких.

– Я должен вам сказать! Ты ведь... – звал Жомарт Тулегенович. Но было поздно.

Шёл дождь.

По его лицу текли слёзы. Старое дерево скрипело под ударами ливня. Ветер обрывал сморщенные листья.

«НЕ СТРАШНО, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКУ ТЯЖЕЛО В ПУТИ.

НЕ СТРАШНО, ЕСЛИ ПУТЬ ДОЛОГ. БЕДА, ЕСЛИ ЭТОТ

ПУТЬ НЕ ВЕДЁТ НИКУДА. ОБРЫВАЕТСЯ НИЧЕМ», –

вот что принесла вторая стрела. Вот что писал торопливый почерк.

– О, Аллах, неужели это было? – слёзы застлали его глаза.

Всё вернулось. Ржавый ключ повернулся на один оборот, и дверь, которую он когда-то запер, распахнулась. Он увидел цветущую поляну и себя, молодого и сильного, не страшщегося будущего.

Он запустил в небо стрелы из лука.

– Зачем ты это делаешь? – спросила та, которую унесло Время.

Он вспомнил, что ответил ей:

– Они не нужны мне. Я сильнее. Меня не одолеть, пока ты рядом.

– Давай оставим себе одну, – просила она, удерживая последнюю стрелу.

– Они нужны тем, кто слабее, – отвечал он, – кто оступился.

Он смеялся, натягивая тетиву.

– Помогите заблудившимся! – кричал он вдогон стрелам.

Впереди была долгая жизнь. И он знал, что делать.

Он знал, что они будут вместе. И что они пойдут по этой жизни, делясь счастьем, которое возникает между ними. С теми, кого надо научить мечтать, кому надо вытереть слёзы и показать звёзды, кому надо шепнуть, что Солнце ещё не погасло и что оно светит всем.

И он знал, куда они двинутся первым делом.

Маленький домик на вершине холма: Диар Галимтия умирал от тоски, прогнав всех, с кем был дружен. Отравляя дни себе и тем, кто ещё оставался рядом. Ему надо было скорее помочь. Утешить. Заставить улыбнуться. А главное – подсказать, что надо глядеть дальше собственного носа – туда, где начинаются судьбы других людей, дорожке которых нет никого на свете.

– Мы поможем ему и двинемся дальше! – так говорил он ей. – Мы будем почтальонами раненых сердец и обиженных честолюбий, обманутых, заплутавших надежд. Мы поможем им! Ведь у нас есть самое главное лекарство – счастье. Мы поделимся им.

– Да, – отвечала она ему, – так будет!

Но вышло иначе. Её унесло Время. И он ничего не мог сделать. Помочь даже самому себе. Он не заметил, как ослабли пружины его души. Он постарался всё забыть: её, себя, цветущую поляну... И это единственное, что у него получилось, – он сломался.

Долгие годы он жил другой жизнью. Ради которой не стоило и рождаться. Но он заставил думать себя по-другому. Иначе бы он умер, а на это у него не хватило сил. Да, у него не хватило сил – он оказался трусом. У него не хватило мужества стать тем, кем он себя видел. Помог бы он кому-нибудь, если бы Время пощадило её и она была бы рядом? Он старался не спрашивать себя об этом. Если забывать – то всё до конца. Он оказался трусом, и он знал это. Как давным-давно, тогда, знал, что надо жить, стремясь вперед, помогая отставшим. Знал. Но это оказалось не главным. Знают все. Главным оказалось мужество жить так, как задумал. Мужество быть верным мечте. Тому, что, наверное, и есть главное в человеке. А этого-то и не оказалось.

Сейчас он стоял и плакал. Стрелы, пущенные его молодой рукой, разбились убогую копилку его жизни. Всё оказалось тщетным. Он не мог скрыться от себя. Такое бегство оказалось невозможным в этом мире. Ему не удалось покрыться другой кожей. И от того, что он так долго прятался и бежал, удар оказался ещё тяжелее.

Шёл дождь.

Сорокаваттная лампочка слабо освещала маленькую бетонную площадку перед подъездом. Дождь молотил по ней, и капли отскакивали, становясь на секунду крохотными фонтанчиками.

«Вот они, цветы дождя, – подумал Жомарт Тулегенович, – холодные и неласковые, как поздняя осень». Он долго не мог зажечь спичку. Наконец это ему удалось, он прикурил, затянулся и, подняв тяжелый чемодан, окунулся в черноту.

«Жизнь, моё главное оружие в этом мире, то, что должно было послужить самому светлому – людям, оно затупилось, его уже нет. Жизнь, состоящая из стольких лет, месяцев, дней... И все они минули», – вот с какими мыслями он шёл по неосвещённой улице. Сгибаясь от ветра, терзаемый холодом и водой.

Заветная дверь всё ещё была приоткрыта. Ослепительный свет бил из неё. Жомарт Тулегенович видел: яркая летняя поляна, юноша и девушка стоят, взявшись за руки, на прохладной коричневой дорожке. Он чертит что-то прутиком, слегка нагнувшись. Ей не видно, и она заглядывает через его плечо. Они смеются – нарисовано что-то смешное... Жомарт Тулегенович попытался вспомнить рисунок, но не смог: волны времени разгладили тот жёлтый песок.

Волшебный свет стал понемногу терять свою силу, таять.

Купы дубов вдалеке уже почти слились с небом, стали неразличимы. Но Жомарт Тулегенович всё глядел и глядел в тот недосыгаемый проём, туда, где по тонкой тропинке влюблённые спускались к прозрачной реке, словно хотел ринуться им вслед, шагнуть, переступая порог.

Невозможно. Он не мог туда попасть.

Свет погас, но Жомарт Тулегенович ещё продолжал ощущать запах нагретых солнцем вечерних трав, запах лета...

«Да, – говорил он себе, – я не смог. Я предал себя, её, а главное – тех, кому было ещё хуже, труднее. И ничего не вернуть. Никак...»

Он открыл глаза: ночь. Ветер швырял в лицо холодные капли.

«Бессмысленно, как всё оказалось бессмысленно...»

Старое дерево кренилось, оседало, готовясь рухнуть.

И тут он вспомнил! Он вспомнил, что несла третья стрела!

Которую так не хотела отдавать та, которую унесло Время. И, наверное, не зря... О, если бы он не выпустил тогда эту стрелу из рук, если бы она осталась с ним, быть может, тогда он не оказался таким слабым и выстоял. Да, несомненно! Он бы выстоял. Как легкомысленно он с ней расстался – ведь без неё он и оказался тем беззащитным и беспомощным, кому её надо было дать.

Сейчас слова старой клятвы вспыхнули в его памяти, и он просиял, повторяя её про себя. Повторяя её про себя, а потом и проговаривая вслух – сначала тихо, шёпотом, а потом всё громче и громче. Он уже не горбился. Плёнка безразличия и усталости сошла с его глаз, и они лучились молодым огнём. Он шёл быстро и удивительно легко, так, словно ливень не имел к нему ни малейшего отношения. Да так оно и было! Он не замечал ненастья. Он спешил. Он страшно спешил, боясь опоздать, не успеть. Не успеть встретить. Кого? Ему казалось, он знает точный ответ: он знал очарованного гонца!

Оттого-то, быть может, ему и было легко идти. Удивительно легко. Стук каблучков об асфальт, плеск луж, шум в ушах. Он давно не ходил так!

Телефонная будка уже позади. Никого. Впереди – пустая темнота. Тяжёлые слепые особняки – немые её свидетели.

«Неужели я опоздал? Поздно...»

Жомарт Тулегенович стоял, беспомощно озираясь кругом. Ни души. Только дождь. Последняя надежда ускользала меж его струй, становясь клёкотом водосточных труб.

Он сник.

Но клятва не дала ему умереть.

«Не всё потеряно. Он не смог свернуть. Пуститься переулком Кокколова. Ещё не поздно! Туда! Скорей!»

Жомарт Тулегенович снова бежал. Укорачивая и укорачивая переулком Кокколова, длинной дугой опоясывавший городок с востока. Чемодан. Только сейчас Жомарт Тулегенович ощутил его тяжесть. Он разжал пальцы: несколько раз перевернувшись, груз затих на дне оврага. Скучные секреты уснули в зарослях барбариса. Но Жомарт Тулегенович не слышал этого – он был уже далеко. Уже разглядел впереди тускло мерцавший силуэт.

– Постой! – закричал он, прибавив из последних сил. – Я хочу тебе сказать... – и он прокричал слова клятвы, захлёбываясь и задыхаясь. То, что несла третья стрела:

«НЕ БЕДА, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКУ ТРУДНО И БОЛЬНО.

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ЖИЗНЬ! БЕДА, ЕСЛИ ОН ЛИШЕН

ЭТОГО – БОЛИ И ПОТЕРЬ. ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ СМЕРТЬ».

Он задыхался. Он не мог бежать. У него больше не было сил.

Он упал, будто провалившись в горячий, вязкий туман.

Он очнулся на скамье крохотного городского парка – кто-то бережно усадил его. Значит, не показалось, что там, на границе беспамятства, его подхватили чьи-то сильные руки. Значит, было правдой...

Тихо, кто-то тихо наигрывал на флейте. Жомарт Тулегенович вздрогнул, вскинул голову. О, Аллах! Словно перед ним стояла сама Вечность.

– Ты! – вырвался у него слабый звук.

Он не ошибся! Он оказался прав! Ему ничего не надо было объяснять. Ему говорили глаза. Сердце подсказывало, что ускользало от глаз. Это был он сам! Нет, неверно, это был не он, но тот далёкий юноша, стоявший на цветущей поляне. Его мечта, да – Мечта Жомарта Тулегеновича. Вот было настоящее имя очарованного гонца. Вот кто стоял перед ним! Таинственный музыкант. Мчавшийся сквозь само время, не знавший слабости и усталости, бегства в убогую сытость.

Жомарт Тулегенович вспомнил, он вспомнил, что и раньше, давно, иногда, он слышал голос этой серебряной флейты. Видел, пусть мельком, летящий силуэт. Вот кто это был...

– Ты не сдался? – спросил Жомарт Тулегенович.

Очарованный гонец улыбнулся, как улыбаются расшалившимся детям:

– Нет.

– Прости, – тихо ответил Жомарт Тулегенович, он понял, что сказал глупость – разве Мечты сдаются? – Прости, – повторил он.

– Мне пора, – сказал Вечный Лучник, Мечта Жомарта Тулегеновича, – мне надо дальше, мне нельзя оставаться на месте.

– Да, конечно, – согласился Жомарт Тулегенович, – конечно...

Он не решался спросить, он не верил, что его могут взять с собой – предателей не берут. Так было всегда. И он не ждал для себя поправки, потому что подвёл неумолимый итог своей жизни.

– Разве ты не со мной?

«Послышалось? Почудилось? Показалось?» – Жомарт Тулегенович оторвался от своих тяжёлых мыслей.

Юноша ждал его!

– Ты простил? Ты берёшь меня с собой, ты разрешаешь? – робея, не веря, спросил Жомарт Тулегенович.

Юноша улыбался, он разрешал.

– Тогда в путь! – воскликнул Жомарт Тулегенович, он заторопился, он боялся, что Лучник передумает и оставит его одного на этой скамье. – В путь! – повторил он.

– Да, – ответили ему молодые глаза, – в путь!

– Где наша первая остановка? – спросил Жомарт Тулегенович. – Маленький холм, Диар Галимтия?

– Диара уже нет.

Жомарта Тулегеновича пронзил стыд: действительно, как он мог забыть. Диар умер много лет назад. И он тогда не пошел на его похороны. Он был виноват перед ним.

– Мы не смогли ему помочь, но поможем другим, – сказал Лучник.

– Мы поможем другим! – повторил Жомарт Тулегенович.

Ночь кончалась. Брезжил тяжелый мутный рассвет. Свежий ветер начинал понемногу раздувать горизонт.

Они бежали. Молодой и старый. Человек и его Мечта. Они бежали ровно: шаг в шаг, дыхание в дыхание. И там, на разрешающей границе зрения, в турбулентной дали, показалось: они слились, стали одним, бежал один.

«Не беда, если путь долог!» – повторял он про себя.

Кульбаев Эдвард Айтказинович родился в 1959 году в селе Заводинка Восточно-Казахстанской области. Окончил в 1983 году Казахский Государственный университет им. С. М. Кирова. В 1987–1990 годах учился и закончил в Москве Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Публиковал рассказы в журналах «Юность», «Простор», в издательстве «Жалын».

На киностудии «Казахфильм» и других студиях, включая «Студия Всегда», в качестве сценариста и режиссера снял ряд документальных фильмов: «Ветер и Соль» (1989), «Айтыс» (1990), «Белорусский рубеж» (2010) о воинах-казахстанцах – освободителях Белоруссии в Великой Отечественной войне, «Василий Смыслов. В поисках гармонии» (2012).

